

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПОЛЕ ЛЕКСЕМ *ГОРЕ*, *БЕДА*, *НЕСЧАСТЬЕ* В РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ПАРЕМИЯХ

На рубеже XX и XXI веков произошли существенные изменения в научной парадигме: утвердился новый ряд идей и подходов к исследованию языка, среди которых следует отметить антропоцентризм, предполагающий системное освоение языка, его единиц, текста, дискурса сквозь призму «человеческого фактора», рассмотрение пребывания человека в языке и языка в человеке; когнитивизм (язык — результат когнитивной деятельности, способ организации и хранение человеческого знания о мире, пространство мысли и духа); лингвокультурологию (тесная связь языка и культуры народа, понимание развития языка как результата творческой деятельности человека).

Языковая личность, языковая способность, языковая компетенция, речевое поведение начинают оцениваться как понятия, лингвокультурологическое содержание которых формируется в синтезе данных этнопсихологии, социологии, истории и ряда других наук о человеке.

Основным предметом исследований в лингвокультурологии выступает концепт. Концепт понимается нами как условная ментальная единица, направленная на комплексное изучение языка, сознания и культуры. Концепт находится в сознании, является ментальной проекцией элементов культуры, опредмечивается в языке/речи. При этом отмечается сложность соотнесения феноменов «язык» и «культура». Язык является одновременно и частью культуры и внешним для нее фактором. Кроме того, существует двусторонняя связь между языком и сознанием. Категории сознания реализуются в языковых категориях и одновременно детерминируются ими.

В структуру лингвокультурного концепта включается понятийный элемент, который формируется фактуальной информацией о реальном или воображаемом объекте. Понятийная сторона концепта включает его языковую фиксацию, описание, признаковую структуру, сопоставительные характеристики данного концепта по отношению к другим концептам.

Концепт аксиологичен по своей природе. Центром концепта является ценность, т.к. концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит ценностный принцип.

Образная составляющая концепта связана со способом познания действительности, исторически предшествующим понятийному. В образный элемент концепта входят все наивные представления, закрепленные в языке, внутренние формы слов, служащие выражению данного концепта, устойчивые мыслительные картинки.

Наличие трех составляющих в структуре лингвокультурного концепта — понятийной, ценностной и образной — предопределяет связь концепта с языком, который его объективирует, с культурой как национальной системой ценностей, обусловленной историей народа и его духовно-психическим складом, с сознанием человека и его деятельностью.

Чаще всего в языке концепт выражается словом, которое получает статус имени концепта — языкового знака, передающего содержание концепта наиболее полно и адекватно. Вместе с тем, концепт может соотноситься более чем с одной лексической единицей и находить выражение с помощью разнородных синонимических (собственно лексических, фразеологических) единиц, описывающих его в языке.

Использование когнитивного подхода при реконструкции культурных концептов открывает возможность понять, как именно формируется та или иная картина мира, стиль мышления, ценностные приоритеты, способ восприятия и понимания окружающего мира и самого себя в рамках определенного культурного сообщества.

Нами проанализирован фрагмент семантического поля, в центре которого находятся лексемы *горе*, *беда*, *несчастье*. Интегральными признаками названного поля являются событие, отрицательная оценка, душевное страдание; дифференциальными — степень отрицательного влияния события на последующую жизнь, интенсивность, глубина и длительность чувства, его внешнее выражение и др.

Пословицы и поговорки с семами *несчастье*, *горе*, *беда* достаточно многочисленны в русском и китайском языках. В ходе выполнения работы исследовано более 150 русских и 50 китайских пословиц. Это объясняется тем, что в китайском языке для лексем *несчастье*, *горе*, *беда* используется один иероглиф.

В русском языке пословицы характеризуются преобладанием бессоюзных сложных, сложносочиненных, простых двусоставных предложений, что отвечает не только композиционным и жанрово-коммуникативным принципам пословицы, но и подчеркивает специфические черты счастья и несчастья, к которым относятся: непостоянность счастья, абсолютность счастья и несчастья, их противопоставленность и взаимообусловленность, неоднозначность межконцептуальных связей.

Среди паремий с семами *счастье*, *несчастье*, *горе*, *беда* значительно преобладают поговорки (91,91%, из которых 61,75 % — пословицы с семой «счастье» и 30,16% с семами «несчастье», «горе»). Следует отметить, что в русском паремиологическом фонде значительно преобладают паремии с семой «счастье» (68,37%).

Анализ пословично-поговорочного материала позволил выявить целостный образ концепта, включающего в себя несколько смысловых слоев, отражающих представление о неблагоприятной судьбе, тяжелой жизни, горестных событиях и их эмоциональном переживании. В составе концепта реконструированы образная и сценарная составляющие проживания горестных событий и чувств в их взаимосвязи; намечено соотношение эмотивного и событийного фрагментов картины мира. Значимость полученной информации заключается, в первую очередь, в богатой ценностной составляющей, включающей представление о понимании несчастья, беды и горя, о фатализме русских, основанном на вере в Бога, и связанной с этим установкой на примирение с действительностью, об отношении, с одной сто-

роны, к несчастливому, несчастному и горюющему человеку, а с другой стороны, — к тому, кто повинен в чужой беде. Также в пословицах отражены концептуализация переживания горя и способы утешения горюющего человека.

Образная составляющая концепта соотносится с действием, которое горестные события и чувства оказывают на человека и его жизнь, и эксплицируется в эмоциональных и событийных метафорах. Эмотивные и событийные образы во многом пересекаются. Так, персонифицированное *горе* живет в душе, а беда и несчастье обычно приходят к человеку, встречаются его. *Горе-чувство* — это постоянная тяжесть, ноша; тяжелые беды и несчастья же падают на человека откуда-то сверху. *Горе-жидкость* наполняет человека изнутри, беда или несчастье приходят извне, наполняют человеческую жизнь. К уникальным признакам, обусловленным событийной семантикой концепта, относятся образы ловушки, препятствия на жизненном пути и западни.

Абстрактный характер ключевых слов, репрезентирующих рассматриваемый концепт *горе, беда, несчастье*, позволяет отнести его к так называемым калейдоскопическим концептам, которые отличаются «текучестью», способностью представляться то в виде сценария, то в виде образа или гештальта.

В структуре концепта *горе, беда, несчастье* выделяются компоненты различной природы: эмотивный, оценочный и событийный. Выделенность этих компонентов и отношения между ними определяет конкретную семантику единиц, объективирующих концепт в языке, что позволяет интерпретировать концепт *горе, беда, несчастье* как гештальт. Целостность этого гештальта проявляется в его внешних отношениях с другими гештальтами, например, в противопоставлении гештальту *счастье*.

Концепт *несчастье* тесно связан с концептом *счастье*.

Концепты *несчастье* — *счастье* являются одними из центральных и значимых в русской культуре, что подтверждается большим количеством паремиологических единиц, репрезентирующих данные концепты. В пословицах проявляется этимологически исходное значение лексем *счастье, несчастье*. Антонимические концепты *счастье* — *несчастье* получают характеристику по признаку 'предначертанность', 'неизбежность'.

Представления о *счастье* и *несчастье* выступают как оценочные суждения о *жизни* в целом: для того чтобы стать счастливым, необходимо трудиться, не думать о счастье, не посягать на счастье других людей, надо уметь достойно переживать как несчастливые, так и счастливые моменты жизни.

В пословицах концепты *счастье* и *несчастье* могут репрезентироваться различными лексемами. Лексемы *счастье* и *несчастье* могут соотноситься с лексемами *доля* (*доля* — *недоля*), *часть*, лексема *несчастье* соотносится с лексемами *беда, притча, рок, напасти*, что актуализирует предначертанность, неизбежность *счастья* или *несчастья* в русской наивной картине мира.

Психологическая природа *счастья* и *несчастья* двойственна. В ее основе лежат объективные и субъективные факторы, которые для счастья и несчастья могут не совпадать. Отличительной особенностью счастья и несчастья является высокая степень интенсивности их переживания. При этом несчастье характеризуется более разнообразными, по сравнению со счастьем, оттенками душевных состояний. Отличительной чертой счастья является его нестабильность.

Отношения концептов *счастье* — *несчастье* могут быть представлены как оппозиционные, что проявляется в противопоставленности таких значимых признаков как '*неделимость* — *делимость*', '*нестабильность* — *относительное постоянство*', '*избирательность* — *всеобщность*', '*ирреальность* — *реальность*', а также оценка концептов *счастья* — *несчастья* с позиции '*свое* — *чужое*'.

Наряду с этим, наличие общих концептуально значимых характеристик свидетельствует о неразрывной связи данных концептов. Так, счастье и несчастье имеют единый первоисточник, характеризуются интенсивностью переживания, неоднозначностью отношений «счастье / несчастье — человек». Счастье и несчастье являются частью единого целого, обуславливают друг друга, могут переходить одно в другое.

Концепты *счастье* и *несчастье* — члены контрастной антонимической оппозиции. При этом первый член оппозиции выступает носителем определенного качества, заявленного в лексическом значении номинации, второй член представлен как отрицательно маркированный относительно этого признака (состояния).

Анализ синонимического ряда лексемы *несчастье* позволяет выявить отличительные признаки несчастья: тяжелое, чаще всего неожиданное событие — беда, бедствие, трагедия, невзгоды; лексема *горе* определяет несчастье как душевное переживание, страдание; напасть, лихо, злосчастье отсылают к представлению несчастья — мифологического существа; в лексеме *бездолье* отражается этимология слова *несчастье*. «Удар судьбы» отсылает к возможному источнику несчастья. Несчастье представлено как нечто обременительное, тяжелое, способное к увеличению (лексемы *беда*, *злыдни*, *напасть*, *лихо*, *горе*). Лексема *рок* актуализирует неизбежность несчастья.

Концепт *несчастье* в паремиях выражается ключевым существительным *несчастье* — '*бедствие, горе, крайнее неблагополучие*', прилагательным *бесчастный* — '*испытывавший или испытывающий несчастье*', существительным *горе* — '*скорбь, глубокая печаль, невзгода, несчастье*' и его дериватом глаголом *горевать* — '*тяжело переживать какое-нибудь несчастье, испытывать глубокую скорбь, тосковать*'. Однако в большинстве случаев концепт *несчастье* в русских паремиях представлен лексемой *беда* — '*несчастный случай, несчастье, горе*'. В русских паремиях концепт *несчастье* имеет отрицательную коннотацию, что вполне естественно.

В лексеме *беда* находит отражение «множественность» несчастья, его способность к быстрому увеличению.

Сравнительный анализ русских и китайских пословиц и поговорок о *беде, несчастье, горе* показал, что в повседневном опыте народов, с одной стороны, много общего, а с другой — в них раскрывается самобытность каждого народа. Следует отметить, что китайских пословицах и поговорах *беде* придается не столь важное значение, как в русских. Это связано с философией буддизма, которая повсеместно распространена на территории Китая. Буддизм говорит о том, что окружающий нас феноменальный мир и все мы как его часть — не более чем своего рода иллюзия, хотя эта иллюзия существует объективно. Дело в том, что человек воспринимает мир как бы сквозь призму своих ощущений, но эти ощущения не результат субъективных представлений индивида, а вполне объективный факт. Исповедуя кругооборот жизни, цикл бесконечных перерождений, буддисты воспринимают *беду* как *счастье*, они всегда готовы к *несчастью*, т.к. круговорот предусматривает постоянное повторение:

幸福常常伴随痛苦 — *Часто счастье приходит в сопровождении горя.*

身在福中不知福, 身在祸中不知祸 — *Не дорожить счастьем в счастье, не знать беды в беде.*

得不足喜, 失不足忧 — *Не радуйся, получивши успех, не печалься потерявши.*

哪儿有悲痛, 哪儿就有喜悦 — *Где горе, там и радость.*

苦尽甘来 — *Где радость, тут и горе, где горе, там и радости.*

乐极生悲 — *После грозы ведро, после горя радость.*

祸与福相随 — *Беда со счастьем на одних санях ездят.*

А русский народ воспринимает *беду* как испытание, после которого будет *счастье*;

Не было бы счастья, да несчастье помогло.

Проведенное исследование концептуального поля лексем *беда, горе, несчастье* позволяет сделать вывод о том, что представления о *несчастье*, характеризующиеся сложностью и многоплановостью, являются одними из ключевых в русской и китайской национальных картинах мира. Они организуют жизненный мир субъекта, во многом определяют то, как он воспринимает окружающую действительность.